

УДК 94(395.2)

DOI 10.52575/2687-0967-2022-49-1-57-63

Тенденции развития зеркал и металлических украшений в контексте этнополитической истории Кубани римского периода

Кононов В.Ю.

ООО «Крымский региональный центр археологических исследований»,

2095017, Респ. Крым, г. Симферополь, ул. Фрунзе, д. 15 Г

E-mail: kononov1978@mail.ru

Аннотация. В статье исследуется проблема развития зеркал и украшений в сармато-меотских погребениях на Кубани в римский период. Показана связь между эволюцией украшений и историческим, а также этнополитическим развитием Кубани. Проанализированы особенности формы, строения и материала зеркал, браслетов, височных колец, серег, перстней, гривен и других украшений у сарматов и меотов в римский период. Грунтовые погребальные захоронения преобладали над подкурганными, но в то же время захоронения в курганах зачастую продолжали быть более богатыми как захоронения социальной верхушки племен на Кубани. Установлена связь украшений с социально-политическим развитием региона. Рассмотрены основные тенденции социально-политического устройства и определены связи с Боспорским государством и другими племенами. Выявлены причины гибели сарматских и меотских поселений в III веке.

Ключевые слова: меоты, сарматы, Прикубанье, поздняя античность, Боспор, украшения

Для цитирования: Кононов В.Ю. 2022. Тенденции развития зеркал и металлических украшений в контексте этнополитической истории Кубани римского периода. *Via in tempore. История. Политология.* 49 (1): 57–63. DOI: 10.52575/2687-0967-2022-49-1-57-63

Development trends of mirrors and metal decorations in the context of the ethno-political history of Kuban in the Roman period

Valery Yu. Kononov

LLC «Crimean Regional Center for Archaeological Research»,

15 G Frunze St., Simferopol 2095017, Resp. of Crimea

E-mail: kononov1978@mail.ru

Annotation. The article examines the problem of the development of mirrors and decorations in the Sarmatian-Meotian burials in the Kuban in the Roman period. The connection between the evolution of jewelry and the historical, as well as ethno-political development of the Kuban is shown. The features of the shape, structure and material of mirrors, bracelets, temple rings, earrings, finger rings, torcs and other adornments of the Sarmatians and Meots in Roman period are analyzed. Meotian ground burial burials prevailed over the Sarmatian burial mounds, but at the same time, the Sarmatian burials continued to be richer, like the burials of the social elite of the tribes in the Kuban. Their connection with the socio-political development of the region has been established. The main tendencies of the socio-political structure are considered and the links with the Bosphorus state and other tribes are determined. The reasons for the death of Sarmatian and Meotian settlements in the 3rd century are revealed.

Keywords: Meots, Sarmatians, Kuban region, Late Antiquity, Bosphorus, decorations, mirrors

For citation: Kononov V.Yu. 2022. Development trends of mirrors and metal decorations in the context of the Ethno-political history of Kuban in the roman period. *Via in tempore. History and political science.* 49 (1): 57–63 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2022-49-1-57-63

Введение

Изучение зеркал и металлических украшений является необходимым звеном реконструкции этнокультурной и этнополитической истории племен Кубани. В соответствии с типологическими и хронологическими схемами прослеживается эволюция форм зеркал и металлических украшений, в которой можно выделить несколько периодов. Выделяемые на основе археологического материала периоды отличаются не только сменой форм зеркал и украшений, но и конкретным историческим содержанием.

Одним из важнейших является римский период (I–III вв.), в который происходит резкая смена этнополитической обстановки на Кубани, вытеснение сармато-меотских племен новыми переселенцами, в частности готами.

На основании этого наиболее целесообразным является рассмотрение особенностей изучаемых категорий вещей в римское время в свете этнополитической истории племен Кубани, так как это позволит выявить причины смены моды и замены одних типов вещей на другие, а также определить характерные для этого периода наборы украшений и их сочетание с зеркалами.

Результаты и их обсуждение

Римский период I–III вв. характеризуется складыванием общих для проживавших на Кубани племён меотов и сарматов типов зеркал и украшений.

Анализ зеркал и украшений из сарматских курганов Закубанья и меотских грунтовых могильников этого времени позволяет говорить о синкретичности культуры, в которой в равной степени представлены как меотские, так и сарматские элементы. Это, по мнению И.И. Марченко, свидетельствует об образовании новой этнической общности на основе меотских и сарматских племен, входивших в сиракский союз, характеризующейся не только синкретичностью материальной и духовной культуры, но и общностью территории проживания и принадлежности к одному культурно-хозяйственному типу [Марченко, 1996, с. 135]. Процессы межэтнической интеграции нашли свое отражение и в материальной культуре.

Различные типы зеркал, существовавшие в меотских и сарматских памятниках Кубани на предыдущих этапах [Скрипкин, 1990, с. 92], сменяются на один тип – зеркал-подвесок с боковой ручкой [Бобринский, 1901, с. 68–73; Хазанов, 1963, с. 58–67]. Исключением, пожалуй, являются простые кованые зеркала и литые зеркала с ручкой-штырем и валиком, украшенным углубленными фасетками, однако и они исчезают из погребальных памятников к концу I в. н. э. [Онайко, 1966, с. 18–33; Абрамова, 1971, с. 121–132].

Господство одного типа, отличающегося разнообразием вариантов (выделяется 4 варианта), не сказалось на общем количестве зеркал этого периода – они составляют 41 % от общего числа учтенных.

При анализе встречаемости зеркал и украшений, бытовавших в этот период, нами изучено 34 комплекса (8 сарматских и 26 меотских), содержащих зеркала, которые сочетаются:

* зеркало + гривна – 2 комплекса (6 %), столь низкий процент объясняется тем, что зеркала преимущественно встречаются в женских погребениях, а гривны этого периода, как правило, происходят из мужских погребений воинов-всадников;

* зеркало + браслет – 12 комплексов (35 %);

* зеркало + серьги – 13 комплексов (38 %);

* зеркало + перстень (кольцо) – 11 комплексов (32 %).

В I–III вв. отмечается дальнейшее увеличение количества форм браслетов в меото-сарматской среде, начавшееся в конце предыдущего периода [Эрлих, 2007, с. 157–158]. Браслеты, бытовавшие в это время в меото-сарматских памятниках, составляют 30 % и представлены следующими типами:

– проволочные с вертикально обрубленными концами, появившиеся в памятниках предшествующего периода и просуществовавшие до конца II в.;

– проволочные с расширенными концами;

- проволочные с заостренными концами;
- проволочные с шпильками на концах;
- с перевитыми концами;
- проволочные с заостренными расплюснутыми концами;
- с лопаточковидными концами: этот тип браслетов широко известен в грунтовых погребениях рядового населения меотских городищ, а в подкурганых сарматских погребениях I – начала III вв. не встречен;

Необходимо также отметить существование преимущественно в сарматских памятниках золотых браслетов с фигурными концами, которые датируются I в. до н. э. – I в. н. э. или первой половиной I в. н. э., и, по всей видимости, продолжающих традиции одаривания сарматских вождей претендентами на боспорский престол, что было характерно и для предыдущего периода. Так, их появление в сарматской среде можно связать с приходом к власти на Боспоре царя Аспурга (8–38 гг.), имевшего, по мнению ряда исследователей, местные (сарматские) корни [Гайдукевич, 1949, с. 324; Марченко, 1996, с. 130].

При анализе взаимовстречаемости зеркал и украшений, бытовавших в этот период, нами изучено 33 комплекса (7 сарматских и 26 меотских), содержащих браслеты, которые сочетаются:

- * браслет + зеркало – 10 комплексов (30 %);
- * браслет + гривна – 4 комплекса (13 %);
- * браслет + серьги – 11 комплексов (33 %);
- * браслет + перстень – 11 комплексов (33 %)

При этом были выявлены следующие количественные характеристики браслетов по комплексам: по одному в 29 комплексах (87 %), по два – в 4 комплексах (13 %).

В меото-сарматской среде широко распространяются простые формы серег – колечки с заостренными концами, наиболее ранние экземпляры которых появились в предыдущий период [Левашева, 1967, с. 13]. С начала I в. н. э. появляются серьги, один конец которых заострен, другой служил замочком и был оформлен либо как петелька, либо как спиралька.

Наряду с простыми формами серег в это время существуют и более сложные – в виде конусов с высокой, округло изогнутой дужкой, свернутых из проволоки; узкой пластинки и серег с полусферической подвеской, украшенной шариками зерни [Петренко, 1978, с. 21–40]. Серьги этого периода составляют 38 % от общего числа учтенных.

При анализе взаимовстречаемости зеркал и украшений, бытовавших в этот период, нами изучен 41 комплекс (3 сарматских и 38 меотских) с серьгами, которые сочетаются:

- * серьги + зеркало – 13 комплексов (31 %);
- * серьги + гривна – 1 комплекс (3 %);
- * серьги + браслет – 11 комплексов (28 %);
- * серьги + перстень (кольцо) – 15 комплексов (36 %).

При этом были выявлены следующие количественные характеристики серег по комплексам: по одной в 19 комплексах (46 %), по две – в 20 комплексах (48 %), по три – в 2 комплексах (6 %).

В погребальных памятниках Кубани I – начала III вв. по сравнению с предыдущими периодами отмечается всплеск в распространении перстней и колец – на этот отрезок времени приходится 71 % (от общего числа учтенных), что объясняется изменением политической обстановки в Прикубанье: во-первых, с приходом к власти на Боспоре царя Аспурга происходит восстановление отношений варварских племен с Азиатским Боспором, выразившееся в резком увеличении импортов в грунтовых могильниках, начиная с рубежа н. э. [Марченко, 1996, с. 130]; во вторых, с установлением господства аланского союза племен в южнорусских степях во 2-й пол. I в. н. э. складывается спокойная политическая обстановка, способствовавшая налаживанию торговых и культурных связей на обширной территории.

Перстни и кольца этого периода представлены следующими формами:

- простые проволочные колечки в один или несколько оборотов;

- колечки с валиком на внешней поверхности;
- проволочные колечки с перевитыми концами или оформленными в виде петельки;
- широкие пластинчатые колечки;
- перстни с витым щитком;
- перстни с полусферической вставкой из цветного стекла;
- перстни со щитком в виде шарика;
- литые перстни с округлым щитком и каменной вставкой с гравированным рисунком.

При анализе взаимовстречаемости зеркал и украшений, бытовавших в этот период, нами изучено 34 комплекса (3 сарматских и 31 меотский) с перстнями и кольцами, которые сочетаются:

- * перстень (кольцо) + зеркало – 11 комплексов (32 %);
- * перстень (кольцо) + браслет – 11 комплексов (32 %);
- * перстень (кольцо) + гривна – 1 комплекс (2 %);
- * перстень (кольцо) + серьги – 15 комплексов (44 %).

При этом были выявлены следующие количественные характеристики перстней и колец по комплексам: по одному в 28 комплексах (82 %), по два – в 5 комплексах (15 %), по три – в 1 комплексе (3 %).

Для этого этапа характерно завершение формирования как в меотской, так и в сарматской среде профессиональных воинов-всадников. Данный факт нашел свое отражение в появлении курганов «Золотого кладбища», и прослойки катафрактариев в меотском обществе. Их погребения, в отличие от погребений рядовых общинников, выделяются богатством инвентаря. Большинство умерших были похоронены с дорогими украшениями – гривнами, браслетами, перстнями. В курганах «Золотого кладбища» эти различия прослеживаются наиболее четко, что указывает на принадлежность к определенной социальной прослойке, выходцев из знатных родов, составляющих военную аристократию, которая, как сообщают античные авторы, вербовались из представителей верхушки общества (Tacitus, *Historia*²⁰. I. 79; Justinus, *Trogi Pompei Historiarum Philippicarum epitoma*²¹. XII. 2, 3, XXII. 5, 83). Однако этот факт нельзя понимать буквально, так как катафрактарии насчитывали значительное количество воинов, и все они не могли состоять исключительно из аристократии.

Вероятно, состав войска был неоднороден. Оно могло состоять не только из сарматской аристократии, но и из дружинников, завербованных в меотской среде. Данный факт подтверждается существованием на меотских грунтовых могильниках (у хутора Городского, городища Спорное и др.) первых веков н. э. погребений воинов-всадников.

Отличительной категорией украшений этой социальной группы становятся гривны, которые, как особое украшение, наглядно указывают на принадлежность к данной прослойке общества [Фехнер, 1967, с. 55; Петренко, 1978, с. 41; Козенкова, 1982, с. 46]. Причем для катафрактариев, чьи погребения обнаружены на грунтовых могильниках, характерны более простые формы гривен, зачастую изготовленные из серебра или бронзы, что, скорее всего, говорит о более низком положении этой части всадников в военно-политическом объединении.

Гривны этого периода составляют 46 % от общего числа учтенных и представлены простыми формами, отличающиеся оформлением концов и моделировкой поверхности:

- простые проволочные с вертикально обрубленными или слегка расширенными концами;
- проволочные с концами крючочками;
- проволочные с гладкой или витой поверхностью с концами в виде петли и крючочка;
- проволочные с гладкой или витой поверхностью, состоящие из двух половинок, оканчивающихся петельками;

²⁰ Tacitus, *Historia* – Тацит, «История».

²¹ Justinus, *Trogi Pompei Historiarum Philippicarum epitoma* – Юстин, «Епитома истории Филиппа Помпея Трога».

– пластинчатые с отверстиями на концах для нашивания на кожаную основу.

При анализе взаимовстречаемости зеркал и украшений, бытовавших в этот период, нами изучено 9 комплексов (2 сарматских и 7 меотских) с гривнами, которые сочетаются в 2 комплексах с зеркалами (22 %), в 5 – с браслетами (55 %), в 2 – с серьгами (22 %), в 1 – с перстнем (1 %).

При этом практически во всех комплексах гривны представлены единичными экземплярами, за исключением погребения у хутора Городского (комплекс № 32), где встречаются два экземпляра, один был надет на шею погребенного, другой лежал на тазе.

«Золотое кладбище», как и большинство меотских могильников и городищ, прекращает свое существование к началу III в. [Гущина, Засецкая, 1994]. Объяснение этому можно найти в исторических событиях, происходивших в Северном Причерноморье и на Северо-Западном Кавказе. Так, по мнению И.С. Каменецкого, гибель меотских городищ связана с агрессивными действиями готов [Каменецкий, 1989, с. 240]. Н.Е. Берлизов связывает прекращение существования меотской культуры и отток сарматов из Прикубанья с карательной экспедицией Савромата II Боспорского в 193 г. [Берлизов, 1999, с. 11]. Прекращение функционирования «Золотого кладбища», по мнению И.И. Гущиной и И.П. Засецкой, связано с изменением политики Рима в Северном Причерноморье, вызванной борьбой с варварами на дунайских границах, в результате чего военное объединение, созданное Римом на Кубани, на которое он опирался в своей политике на северо-востоке, распалось, лишившись содержания [Гущина, Засецкая, 1992, с. 65].

Выводы

Таким образом, римский период I–III вв. на Кубани характеризуется смешением сарматской военной знати и меотского населения, что нашло отражение в общности погребального инвентаря, а именно зеркал и украшений, в сарматских и меотских захоронениях этого времени. Происходит синкретизм и унификация обеих культур. В это время также восстанавливаются связи с Боспором, что отражается в обилии и усложнении формы зеркал и украшений (браслеты, серьги, перстни, кольца) в захоронениях. Меотские грунтовые погребальные захоронения преобладали над сарматскими курганными, но в то же время сарматские продолжали быть более богатыми как захоронения социальной верхушки племен на Кубани. В это время браслеты становятся более разнообразными и сложными по форме по сравнению с предыдущими периодами, что могло указывать на их происхождение из боспорских ремесленных мастерских; кроме того, в погребениях увеличивается количество серёг, перстней и колец, также показывающее боспорско-кубанские экономические связи, а также связи с другими племенами, в частности Северного Кавказа, и формирование аланского союза племён. Браслеты также могли быть частью обменных даров между боспорскими царями и сарматскими вождями, указывая на усиление военных союзов. Новым явлением римского периода стало появление в меотских захоронениях военного инвентаря и гривен, указывающее на привлечение меотского населения на военную службу и повышение в социальной иерархии, также отражающие унификационные тенденции – среди меотов выделяется особая прослойка конников-катафрактариев.

В III в. в связи со сложной социально-политической обстановкой Рим отводит свои военные силы на Дунай, фактически оставляя своих союзников в Крыму и Прикубанье один на один с готской угрозой. Это приводит к уничтожению меотских городищ на Кубани, а также оттоком сарматских племён из региона. Гибель поселений также могла быть связана с войнами с Боспором.

Список литературы

Абрамова М.П. 1971. Зеркала горных районов Северного Кавказа в первые века нашей эры. В: История и культура Восточной Европы по археологическим данным. М., Советская Россия: 121–132.

- Берлизов Н.Е. 1999. О периодизации меотской культуры Прикубанья. Региональные исследования по отечественной истории и культуре. Вып. 1. Краснодар: 3–17.
- Бобринский А.А. 1901. Курганы и случайные археологические находки близ местечка Смелы. В 3 т. Т. III. СПб., тип. М.М. Стасюлевича, 174.
- Веселовский Н.И. 1905. Курганы Кубанской области в период римского владычества на северном Кавказе. Труды XII Археологического съезда в Харькове в 1902 году. Т. 1. М.: 341–373.
- Гайдукевич В.Ф. 1949. Боспорское царство. М.-Л., Изд-во АН СССР, 592.
- Гущина И.И., Засецкая И.П. 1992. К вопросу о хронологии и происхождении «Золотого кладбища» в Прикубанье. Проблемы хронологии сарматской культуры. Саратов, СГУ: 45–67.
- Гущина И.И., Засецкая И.П. 1994. «Золотое кладбище» римской эпохи в Прикубанье. СПб., Фарн, 172.
- Каменецкий И.С. 1989. Меоты и другие племена Северо-Западного Кавказа в VII веке до н. э. – III век н. э. Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. М., Наука: 224–252.
- Козенкова В.И. 1982. Типология и хронологическая классификация предметов кубанской культуры (восточный вариант). В: Свод археологических источников. Вып. В 2–5. М., Наука, 177.
- Левашова В.П. 1967. Височные кольца. Очерки по истории русской деревни X–XIII вв. Труды Государственного исторического музея. Вып. 43, М.: 7–55.
- Марченко И.И. 1996. Сираки Кубани. Краснодар, Кубанский государственный университет, 336.
- Недошивина Н.Г. 1967. Перстни. Очерки по истории русской деревни X–XIII вв. Труды Государственного исторического музея. Вып. 43. М.: 253–275.
- Онайко Н.А. 1966. Античный импорт в Приднепровье и Побужье в VII–V веках до н. э. Свод археологических источников. Вып. Д 1–27. М., Наука, 117.
- Петренко В.Г. 1978. Украшения Скифии VII–III веков до н. э. Свод археологических источников. Вып. Д 4–5. М., Наука, 144.
- Скрипкин А.С. 1990. Азиатская Сарматия. Проблемы хронологии и ее исторический аспект. Саратов, Саратовский государственный университет, 303.
- Фехнер М.В. 1967. Шейные гривны. В: Очерки по истории русской деревни X–XIII вв. Труды Государственного исторического музея. Вып. 43. М.: 55–88.
- Хазанов А.М. 1963. Генезис сарматских бронзовых зеркал. Советская археология. № 4: 58–71.
- Эрлих В.Р. 2007. Северо-Западный Кавказ в начале железного века: протомеотская группа памятников. М., Наука, 430.
- Ieep Iu. (ed.). 1859. Iustinus. Trogi Pompei Historiarum Philippicarum epitoma. Lipsiae, in Aedibus V.G. Teubneri, 494.
- Simcox W.H. (ed.). 1875. Cornelii Taciti Historiae. The History of Tacitus. Books I, II. London, Rivingstons, 300.

References

- Abramova M.P. 1971. Zerkala gornyh rajonov Severnogo Kavkaza v pervye veka nashej ery [Mirrors of the mountainous regions of the North Caucasus in the first centuries of our era]. Istorija i kultura Vostochnoj Evropy po arheologicheskim dannym [History and culture of Eastern Europe according to archaeological data]. Moscow, Sovetskaya Rossiya: 121–132 (in Russian).
- Berlizov N.E. 1999. O periodizacii meotskoj kul'tury Prikuban'ja [On the periodization of the Meotian culture of Kubanian region]. Regional'nye issledovaniya po otechestvennoj istorii i kul'ture [Regional Studies in Russian History and Culture]. Issue 1. Krasnodar: 3–17 (in Russian).
- Bobrinskij A.A. 1901. Kurgany i sluchajnye arheologicheskie nahodki bliz mestechka Smely [Mounds and random archaeological finds near the town of Smela]. In 3 t. T. III. St. Petersburg, tip. M.M. Stasyulevicha, 174 (in Russian).
- Erlih V.R. 2007. Severo-Zapadnyj Kavkaz v nachale zheleznogo veka: protomeotskaya gruppa pamyatnikov [Northwestern Caucasus at the beginning of the Iron Age: Protomeotic group of monuments]. Moscow, Nauka, 430 (in Russian).
- Fekhner M.V. 1967. Shejnye grivny [Neck torcs]. Ocherki po istorii russkoj derevni X–XIII vv. Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya [Essays on the history of the Russian village of the 10–13 centuries. Proceedings of the State Historical Museum]. Issue 43. Moscow: 55–88.
- Gajdukevich V.F. 1949. Bosporskoe carstvo [Bosporus Empire]. Moscow-Leningrad, Izd-vo AN SSSR, 592 (in Russian).

- Gushchina I.I., Zaseckaya I.P. 1992. K voprosu o hronologii i proiskhozhdenii «Zolotogo kladbishcha» v Prikuban'e [On the question of the chronology and origin of the «Golden Cemetery» in Kubanian region]. Problemy hronologii sarmatskoj kul'tury [Problems of the chronology of the Sarmatian culture]. Saratov, Izdatel'stvo Saratovskogo universiteta: 45–67 (in Russian).
- Gushchina I.I., Zaseckaya I.P. 1994. «Zolotoe kladbishche» rimskoj epohi v Prikuban'e [«Golden cemetery» of the Roman era in the Kubanian region]. St. Petersburg, Farn, 172 (in Russian).
- Hazanov A.M. 1963. Genezis sarmatskih bronzovyh zerkal [Genesis of Sarmatian bronze mirrors]. Sovetskaya arheologiya [Soviet archeology]. № 4: 58–71 (in Russian).
- Ieep Iu. (ed.). 1859. Iustinus. Trogi Pompei Historiarum Philippicarum epitoma. Lipsiae, in Aedibus B.G. Teubneri, 494.
- Kameneckij I.S. 1989. Meoty i drugie plemena Severo-Zapadnogo Kavkaza v VII veke do n. e. – III vek n. e. [Meots and other tribes of the Northwestern Caucasus in the 7 century B. C. – 3 century A. D.]. Stepi evropejskoj chasti SSSR v skifo-sarmatskoe vremya [Steppes of the European part of the USSR in the Scythian-Sarmatian time]. Moscow, Nauka: 224–252 (in Russian).
- Kozenkova V.I. 1982. Tipologiya i hronologicheskaya klassifikaciya predmetov kobanskoj kul'tury (vostochnyj variant) [Typology and chronological classification of objects of Koban culture (oriental version)]. Svod arheologicheskikh istochnikov [Collection of archaeological sources]. Issue B 2–5. Moscow, Nauka, 177 (in Russian).
- Levashova V.P. 1967. Visochnye kol'ca [Temple rings]. Oчерки po istorii russkoj derevni X–XIII vv. Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya [Essays on the history of the Russian village of the 10–13 centuries. Proceedings of the State Historical Museum]. Issue 43, Moscow: 7–55 (in Russian).
- Marchenko I.I. 1996. Siraki Kubani [Siraks of Kuban]. Krasnodar, Kubanskij gosudarstvennyj universitet, 336 (in Russian).
- Nedoshivina N.G. 1967. Perstni [Finger rings]. Oчерки po istorii russkoj derevni X–XIII vv. Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya [Essays on the history of the Russian village of the 10–13 centuries. Proceedings of the State Historical Museum]. Issue 43. M.: 253–275 (in Russian).
- Onajko N.A. 1966. Antichnyj import v Pridneprov'e i Pobuzh'e v VII–V vekah do n. e. [Antique imports to the Dnieper and Bug region in the 7–5 centuries B. C.] Svod arheologicheskikh istochnikov [Collection of archaeological sources]. Issue D 1–27. Moscow, Nauka, 117 (in Russian).
- Petrenko V.G. 1978. Ukrasheniya Skifii VII–III vekov do n. e. [Decorations of Scythia 7–3 centuries BC]. Svod arheologicheskikh istochnikov [Collection of archaeological sources]. Issue D 4–5. Moscow, Nauka, 144 (in Russian).
- Simcox W.H. (ed.). 1875. Cornelii Taciti Historiae. The History of Tacitus. Books I, II. London, Rivingstons, 300.
- Skripkin A.S. 1990. Aziatskaya Sarmatiya. Problemy hronologii i ee istoricheskij aspekt [Asian Sarmatia. Problems of chronology and its historical aspect]. Saratov, Saratovskij gosudarstvennyj universitet, 303 (in Russian).
- Veselovskij N.I. 1905. Kurgany Kubanskoj oblasti v period rimskogo vladychestva na severnom Kavkaze [Mounds of the Kuban region during the period of Roman rule in the North Caucasus]. Trudy XII Arheologicheskogo s"ezda v Har'kove v 1902 godu [Proceedings of the 12th Archaeological Congress in Kharkov in 1902]. T. 1. Moscow: 341–373 (in Russian).

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Кононов Валерий Юрьевич, старший научный сотрудник, ООО «Крымский региональный центр археологических исследований», г. Симферополь, Россия

Valery Yu. Kononov, Senior Scientific Researcher of «Crimean Regional Center for Archaeological Research» Resp. of Crimea, Simferopol, Russia